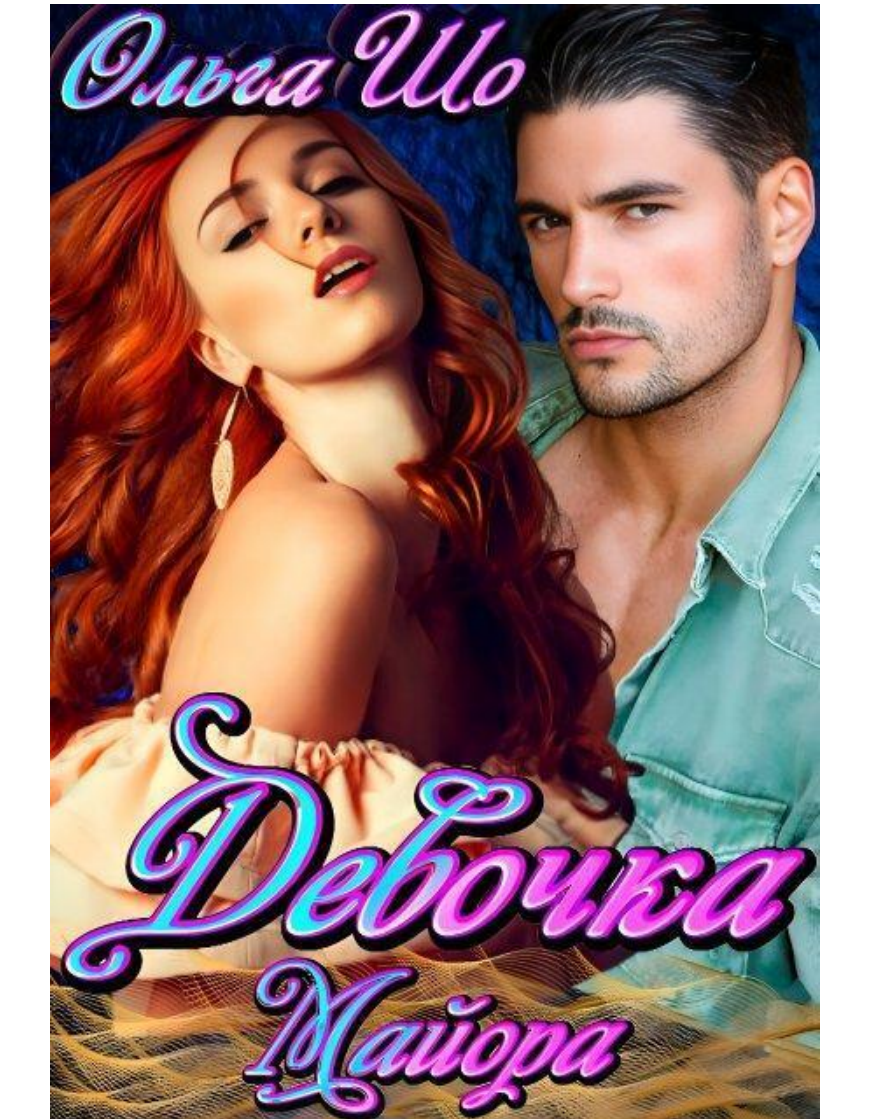

Ольга Уо

Дебючка
Майора

Ольга Шо

Девочка Майора

<https://litres.ru/74203883>

Аннотация

- Значит, ты работаешь на него? - Я должна, - произносит она тихо, понимая, о ком именно он спрашивает. - Почему? - Он мой мужчина. - А я тогда кто? - ярость в глазах мужчины вспыхивает искорками бешенства. - Временное твоё развлечение? - Мы всего лишь хорошо провели с тобой время, Артур. На этом всё. Да и забыла я уже о тебе и о той единственной ночи, которая была ошибкой. - Забыла... говоришь?! – рычит мужчина и, вцепившись руками в платье, рывком задирает подол, едва ли не разрывая его. - В таком случае, я напому тебе, кто я такой! ♥#♥#♥# Та единственная ночь для неё ничего не значила, но для него она стала всем: его одержимостью, его зависимостью, его наваждением.✓ Однотомник.✱# История Артура Громова.♥#СТРОГО 18+ Откровенные постельные сцены♥# Агент под прикрытием Предательство_героиня в беде

Содержание

Пролог	4
= 1 =	12
= 2 =	27
= 3 =	38
= 4 =	48
= 5 =	60
= 6 =	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

Ольга Шо

"Девочка майора"

Пролог

Артур Громов не спал. В номере хостела стоял полумрак — глубокая ночь за окнами съела все краски, оставив лишь смутные тени. Но он не смыкал глаз: напротив, нежно прижимал к себе хрупкую женскую фигурку, чувствуя, как каждый её выдох отзывается где-то под рёбрами.

Рыжеволосая головка покоилась на его груди — и это простое прикосновение вызывало в нём такую бурю эмоций, какой он не испытывал никогда прежде. Запах этой женщины сводил с ума. Впрочем, как и сама женщина.

Девушка тоже не спала — казалось, она находится под не меньшим впечатлением от их близости, чем сам мужчина. Его сердце под её тонкими пальчиками билось сильно, часто, словно пыталось вырваться наружу. Она с жадностью вдыхала его мужской запах, явно наслаждаясь, буквально нежась в крепких объятиях, будто нашла наконец то место, где можно было спрятаться от всего мира.

Артур повернулся к ней лицом, а после навалился сверху, всматриваясь в красивое лицо, в сверкающие зелёные глаза

— такие живые, такие пьянящие, — и в манящие полные губы, которые до сих пор хранили следы его поцелуев. Незнакомка была неотразима. Очень красива. Да она была самым совершенством, каким его рисуют только в мечтах.

Если бы Артуру кто сказал, что он способен уложить в постель женщину, с которой не просто познакомился несколько часов назад, но и имени её не знает, — он бы в такое просто не поверил. Мимолётные, несерьёзные связи были не для него.

Он никогда не использовал женщин; если и встречался, то лишь ради серьёзных отношений. Но вот жениться ему до сих пор не удалось. Возможно, причина крылась в его специфической работе в ФСБ, которая периодически требовала командировок, а порой и длительных отлучек — таких, что чувства остывали быстрее, чем успевали разгореться.

Но в этой ситуации неизвестно ещё, кто кого соблазнил. Девушка сама буквально набросилась на него — а какой же нормальный мужчина устоит против такой красотки? Разве что мёртвый, да и тот, пожалуй, восстал бы из гроба.

Она протянула к нему руки, обхватила тёплыми ладошками его щёки, провела большими пальцами по скулам. Его лёгкая щетина ей очень нравилась — эта приятная, мужская шершавость.

Мужчина был крепким и мускулистым, жилистым, без капли лишнего; грудь покрывала лёгкая поросль тёмных волос. А главное — он был молод и красив. У неё никогда

не было такого шикарного мужчины. И тратить просто так время она не собиралась. Губы сами потянулись к его губам — будто магнитом тянуло, и противиться этому было невозможно.

Мужчина тяжело задышал, обжигая своим дыханием её шею, и смотрел на неё жадно, голодно — как волк, который долго выслеживал добычу и наконец загнал её в угол. Она знала: он хочет её. Хочет не меньше, чем она его. Снова хочет. Этот мужчина был сильным, страстным, идеальным — именно таким, каким она всегда хотела его видеть, даже когда боялась себе в этом признаться.

Девушка сосредоточилась на его нежных поглаживаниях, отдаваясь каждому прикосновению без остатка. Крепкая, слегка шершавая ладонь провела по животу, поднимаясь выше, подбираясь к груди, — и она замерла в ожидании, чувствуя, как сладкая истома разливается по телу.

Его ладони накрыли полушария её груди — таких идеальных, упругих, — и мир вокруг перестал существовать. Только он. Только его руки. Только этот миг.

Её тело вибрировало под ним, в его объятиях женщина испытывала блаженство, которое вытеснило все остальные мысли из головы, оставив лишь чистое, животное наслаждение. От мужчины она ждала многого, но не рассчитывала на такую сокрушающую ласку и нежность. Этот мужчина своей страстью обжигал — в нём было так много огня, что, казалось, можно было сгореть дотла.

Его губы задержались на одном соске, потом на другом. Она выгнулась, у девушки перехватило дыхание от его прикосновений; она просто не знала, что делать тогда, когда удовольствие ей пытается доставить мужчина, а не наоборот.

Потому что единственный мужчина, который был в её жизни раньше — намного старше её, — никогда не стремился доставить удовольствие ей. Её чувства не принимались в расчёт. Основной задачей было доставить радость ему одному, не думая о себе. И он был ею очень доволен. А что чувствовала она — никого не интересовало.

Сейчас все ощущения, которые она испытывала в постели с этим другим мужчиной, были для неё новыми — пугающими и прекрасными одновременно. Она изогнулась под ним, выгнула спину, словно кошка, ластилась, требуя большего.

Он же, удерживая её на месте, прижимал к себе, продолжая трудиться над ней, доводя до безумия своей сокрушающей нежностью. В нетерпении она заёрзала под ним — и вырвала из его груди хриплый смешок. Ей же было не до смеха.

Она хотела его. Всего. Целиком. Глубоко и сильно. В себе. Только предвкушение этого вызывало во всём её теле чувственный трепет — такой, что кончики пальцев покалывало.

Волосы мужчины взмокли от пота, лицо стало суровым, даже сосредоточенным, в глазах горел страстный огонь желания такой силы, что девушке казалось: на её коже точно останутся ожоги от этого жгучего взгляда.

Его пальцы самыми кончиками легонько коснулись её сос-

ков — едва-едва, дразня, испытывая терпение, — а потом он нагнул голову, вбирая острые вершинки в рот, вызывая жар в теле женщины, дыхание которой уже окончательно сбилось.

Девушка не переставала удивляться тому, что этот мужчина потратил столько сил для того, чтобы доставить удовольствие ей. От его ласк она чувствовала себя пьяной — без единого глотка вина. Их тела переплелись, губы мужчины властно накрыли её рот.

Они были такими мягкими, горячими, живыми; ноздри женщины затрепетали, наполненные его запахом. Глубокий поцелуй лишал её контроля, раскрепощал, срывал последние барьеры. Он впился в её губы, словно зверь, который длительное время воздерживался от пищи, а теперь, дорвавшись до желанной добычи, норовил проглотить её целиком, сплетая её язык со своим.

Девушка льнула к нему всем телом, обвила руками и ногами, отдаваясь полностью, сдаваясь без боя, без права на отступление. И с гортанным, сиплым стоном он ворвался в неё одним мощным, сильным толчком — погружаясь до конца, полностью заполняя собой, так что ей показалось, будто внутри неё разлилось раскалённое солнце. От девушки не укрылась дрожь, пробежавшая в этот момент по крепкому мужскому телу: даже он, такой сильный, не смог сдержать этого мгновения.

Оказавшись снова в ней, мужчина отпустил себя, больше не сдерживался, испытывая острое удовольствие, граничив-

шее с болью. У него давно уже не было женщины — а такой шикарной не было никогда.

Девушка даже дыхание задержала, когда он мощно стал врываться в неё глубокими, длинными толчками. Она с радостью принимала его, наслаждаясь каждым очередным движением внутри себя. И с той же щедростью предоставила ему своё тело, с какой он не так давно ласкал её — доводя до помутнения рассудка, до звёзд перед глазами.

Мужчина уже был близок к финишу: мощные движения его участились, из груди рвались хриплые, почти звериные стоны. Она же выгнула спину, обхватив его бёдра своими ногами, вторя его стонам своими — высокими, отчаянными, полными наслаждения.

Через мгновение мышцы её лона сжались вокруг его члена, вырывая из её груди — уже не первый раз за эту ночь — животный стон удовлетворения. Через несколько секунд он кончил и отстранился, обессиленно укладываясь рядом, тяжело дыша, глядя в потолок невидящим взглядом.

Оба молчали, не задавали вопросов. Артур сейчас был пересыщен любовной игрой до такой степени, что не желал ни о чём её спрашивать. Завтра утром они проснутся — и он с ней поговорит. Обязательно поговорит. Наймётся время.

Но рано утром девушка тихо встала с кровати, бесшумно оделась и с тоской посмотрела на спящего мужчину. Он был великолепен. Глядя на него, у неё захватывало дух — так же, как прошлой ночью, когда он входил в неё.

Он так крепко спал. Неудивительно: за эту ночь он изрядно вымотался от любовных игр, да и день, кажется, у него был сложный. Он выглядел и без того уставшим. И хорошо. Пусть спит. Так будет проще... чтобы оставить его... навсегда.

Смотря на него сейчас — расслабленного, беззащитного, прекрасного в своей мужской силе, — на глазах девушки выступили слёзы. Как давно она уже не плакала. Год? Два? Она сама не помнила. Почему она плачет? Она едва перевела дыхание, сдерживая предательский всхлип, закусив губу до боли. Эта ночь прошла для неё в тумане страсти и секса с этим незнакомцем.

Но, всё же, некоторые моменты в её голове вырисовывались очень чётко, будто выжженные калёным железом: единственный мужчина, который был в её жизни до этого незнакомца, никогда не заботился о её удовольствии в постели. Она даже понятия не имела о том, что секс может быть вот таким — жарким, сладким, бесконечным.

Никогда её тело не баловали медленными и нежными прикосновениями, не ласкали страстными, жаркими поцелуями. Её задачей всегда было доставить удовольствие своему мужчине, не думая о себе. И точка. И никаких вариантов.

Но этот мужчина распахнул для неё двери в какой-то иной мир — мир чувственных удовольствий, где она имела значение. И она не хотела, чтобы с этим мужчиной у неё это заканчивалось. Как же сильно она не хотела. Но ночь прошла

— а вместе с ней и иллюзия свободы.

Тихо выскользнув из номера, она закрыла за собой дверь, уходя навсегда из этого номера... из этого хостела... и из жизни этого необычного, такого желанного, такого невозможного для неё незнакомца.

Глава 1.

За сутки до...

Волгоград.

Возле одной из гостиниц класса «люкс» остановился чёрный внедорожник — тяжёлая, хищная машина, пахнувшая кожей и деньгами. Мужчина и женщина вышли из него, плотным кольцом окружённые четвёркой охранников, и почти мгновенно скрылись за огромными стеклянными дверями, словно растворились в вестибюле, полном прохладного кондиционированного воздуха.

Мужчина всё время держал руку на талии своей спутницы, прижимая её к себе так крепко и собственнически, будто она была самой дорогой вещью в его жизни.

Со стороны казалось — он панически боится отпустить её хотя бы на секунду: то ли девушка сбежит, то ли какой-то наглец вырвет этот живой, горячий трофей прямо из-под его носа.

И опасения его были совершенно понятны. Женщина оказалась просто великолепна — в её внешности не существовало ни единого изъяна, ни малейшей пометки, за которую цепляется равнодушный мужской взгляд, чтобы потом разочарованно отвернуться.

Она покорно шла рядом с ним, грациозно ступая на вы-

соких каблуках. В гостиницу «Royal» она приезжала уже не впервые — и всегда со своим мужчиной. Других мужчин в её жизни попросту не существовало последние семь лет.

То, что они остановились в лучшей гостинице города, не удивило её ни капли. Её мужчина обожал только самое лучшее: лучшие дома на побережье, лучшие автомобили с рокотом турбин и, разумеется, лучших женщин. Себя он тоже считал лучшим — и в этом с ним трудно было поспорить.

Мужчина бросил ревнивый, почти звериный взгляд на свою спутницу, на которую невольно, как мотыльки на пламя, ялились встречные мужчины в холле. Женщина просто не могла быть незаметной — её всегда замечали, где бы она ни находилась, даже в самой переполненной толпе.

Зеленоглазая, стройная, молодая, с копной длинных, вьющихся, словно огненное пламя, рыжих волос, в коротком обтягивающем платье цвета топлёного молока — платье выгодно подчёркивало каждую линию её ладной фигуры, каждый изгиб, который мужчины считывали как обещание. Она мгновенно привлекала к себе их жадные взгляды и невольно, почти машинально, вызвала глухую, кислую зависть у женщин.

Войдя в шикарный номер, пахнувший дорогим деревом и цветами, девушка уселась в глубокое кресло, утонув в его мягкой темно-бордовой обивке, а потом медленно, с ленцой подняла глаза на мужчину.

Её взгляд был таким призывным, таким ласковым, что у

любого, кто видел его, замирало сердце — а на губах играла чувственная, чуть насмешливая улыбка, словно она знала какой-то секрет, недоступный остальному миру.

Он знал: устоять перед этой соблазнительницей не смог бы ни один мужчина — если он, конечно, настоящий мужчина, если в его жилах ещё течёт горячая кровь, а не ледяная вода.

Девушка делала вид, что ей абсолютно всё равно, зачем они приехали в этот дождливый, серый город, но на самом деле это было совсем не так. Она ощущала напряжение каждой клеточкой своего тела.

Её мужчина сейчас был напряжён — до скрипа зубов, до побелевших костяшек пальцев.

За семь лет, проведённых рядом с ним, она неплохо изучила его повадки, слабости, скрытые привычки, которые он тщательно прятал от чужих глаз. Он точно кого-то ждал. Заметно нервничал — чаще обычного прикуривал, глубже затягивался, дольше смотрел в одну точку.

Но она не станет его об этом спрашивать. Никогда не лезла в его дела — именно поэтому и задержалась рядом с ним гораздо дольше, чем все его предыдущие подружки, которые исчезали одна за другой, как утренний туман.

Красота и острый, цепкий ум помогли ей получить то, чего прежде не получала ни одна женщина Арслана Аксагова: доверие. Почти полное. И долгая жизнь рядом.

Она стала его женщиной не по своей воле — это правда,

которую она глотала молча каждую ночь, — но смогла извлечь максимум выгоды из своего вынужденного положения при мужчине, который был старше её на целых двадцать пять лет. Выгоды не только материальные. Она выжила. А это дорогого стоило.

Женщина не ошиблась в своих нехороших предчувствиях. В холле, за дверью номера, слышались голоса — глухие, уверенные, властные. К её мужчине кто-то пришёл. И этот кто-то явно не собирался пить чай и говорить о погоде.

— Ты просто великолепно с этим справился, — негромко пророкотал Арслан Аксагов, доставая из кармана сигарету и медленно, со вкусом затягиваясь. Голос его звучал мягко, почти по-дружески, но Диана знала эту ласковую интонацию — перед ударом. Он обращался к полковнику Климову, который стоял возле двери, расположенной в дальнем углу гостиничного номера, словно боялся подойти ближе. — Мы смогли провести партию товара и устранить двух конкурентов. Чисто, без лишнего шума.

У женщины складывалось странное впечатление, что мужчины сознательно сторонятся друг друга. Казалось, пребывая на таком внушительном расстоянии — человек десять, не меньше, — оба чувствовали себя гораздо комфортнее, чем если бы стояли рядом, плечом к плечу.

Полковник Климов был ещё тем хитрым, умным и расчётливым жуком — скользким, неуловимым, опасным, — поэтому Аксагов всегда относился к нему настороженно, как к

своре, которая в любой момент может броситься на хозяина.

С Климовым бдительность нельзя терять ни на секунду... никогда, потому что расплата за неё могла последовать мгновенно — пуля, нож или просто «несчастный случай», лихо подстроенный чужими руками.

Но полковник оказался человеком очень нужным и невероятно полезным — без него многие ниточки обрывались, а сделки рассыпались прахом, — поэтому от его услуг Аксагов не отказывался никогда. Даже когда чутьё кричало: не бери, опасно.

Диана сидела в большом кресле, практически утопая в его мягкой, обволакивающей глубине. Одна её рука лежала на локте Арслана Аксагова — легонько, почти невесомо, — во второй она держала бокал с шампанским, в котором лениво лопались пузырьки.

Второй мужчина — этот полковник с ледяными глазами — был ей совершенно неинтересен, но она не могла заставить себя не замечать его присутствие. Она уже привыкла к тому, что Арслан часто принимает у себя всяких подозрительных и нередко смертельно опасных типов. Но при том роде деятельности, которым занимался Арслан, это не казалось удивительным. Удивительным было другое — как долго он ещё остаётся в живых.

Диане очень не нравились взгляды, которые полковник то и дело посылал в её сторону. Девушка вся невольно содрогалась от этого злого, пронзительного взгляда, в котором, по-

мимо холода, прослеживались ещё какие-то искорки — чего-то такого, чему она не могла подобрать названия. Она не понимала этого, но точно знала: это «что-то» было недобрым, почти хищным.

Чего хочет от неё этот престарелый боров? Почему так смотрит — как удав на кролика?

Полковник прямо, без обиняков дал понять Аксагову, что недоволен присутствием женщины на их конфиденциальной встрече.

Арслан лишь пожал плечами — этот жест вышел расслабленным, почти небрежным, но Диана заметила, как напряглись его желваки.

— Диана часто присутствует со мной на разного рода встречах, — произнёс он ровно, спокойно, будто речь шла о походе в ресторан. — Я ей полностью доверяю. Кроме того, ей абсолютно нет никакого дела до наших... тёркок.

— Я так не думаю, — прошипел мужчина. Голос его стал тише, злее, словно в нём скрежетал песок.

А после этих слов он вновь устремил на Диану пристальный, немигающий взгляд — от которого у неё по спине побежали холодные, колючие мурашки. Ей даже показалось на мгновение, что этот мужчина не выпустит её отсюда живой, потому что она слышала слишком много. Слишком.

Убьёт и устранил как нежелательную свидетельницу, замешав в бетон или спустив в мутную реку. Ведь она точно знала — да кто же этого не знал? — что ему не впервой уби-

вать и выполнять самую разную, в том числе самую грязную работу. И не только для Аксагова, но и для других, таких же, как Аксагов. Или ещё более страшных.

Имени полковника Диана не знала — и знать не хотела, потому что имя — это уже связь, а связь — это риск. Она вообще была против того, чтобы Арслан таскал её за собой повсюду, словно живой амулет или дорогую сумочку, но перечить его желаниям не смела. Ни разу за семь лет. Потому что перечить этому человеку означало одно — исчезнуть.

Диана отлично понимала: этот полковник точно не входит в группировку Аксагова — иначе она давно бы заметила его среди вечно хмурых, одинаково одетых людей Арслана. А это значило, что полковник в любой момент, по первому свистку, может переметнуться на ту сторону, которая больше предложит. И никто не сможет его остановить. Понимал этот опасный факт и сам Аксагов — и это бесило его больше всего, потому что он привык держать всех на коротком поводке.

Полковник Климов был важной и почти независимой фигурой. В свои почти шестьдесят лет он находился в отменной физической форме — плечи развёрнуты, взгляд цепкий, движения экономные, точные, — а ум у него был пугающе острым. Серьёзных ошибок и просчётов он ещё не допускал — и вряд ли уже допустит, так дожил до седин.

Климов не принимал ни одну из сторон — ни «красных», ни «чёрных», — чем-то напоминая Диане дорогостоящую

валютную проститутку, которая продаёт себя тому, кто больше заплатит. Только вот проститутка — безобидная... ну, или почти безобидная, — а вот Климов... его боялись. И уважали. Даже Аксагов, этот железный Аксагов, перед ним невольно поджимал хвост, как побитая собака.

Выносить его пронизательный, раздевающий взгляд, направленный на неё, Диана уже была просто не в силах. Она медленно, плавно встала — так, чтобы никто не подумал, будто она торопится или боится, — одёрнула короткое платье, поправив невидимую складку, откинула назад длинные рыжие локоны, упавшие на лицо, и приблизилась к большой картине, висевшей на стене недалеко от кресла.

Диана сделала вид, что морской пейзаж — этот скучный, приторный закат на холсте — для неё гораздо интереснее мужских тёрок и опасных разговоров. Интереснее пули, которая может прилететь в любой момент.

Но от пронизательного взгляда полковника не укрылось, что девушка занервничала. Её изящный, ухоженный пальчик с длинным ноготком, покрытым бежевым лаком — точно в тон платья, до мелочей продуманный образ, — нервно постукивал по стене у картины. Тук-тук-тук. Почти как сердцебиение.

Ещё сильнее Диана занервничала, когда поняла, что диалог у мужчин не клеится. Они словно спорили — глухо, зло, с расставленными локтями, — периодически переходя на повышенные тона, которые резали слух, как нож по стеклу.

Полковник не растекался лужицей у ног Аксагова, как тот привык видеть в глазах своих собеседников. Вообще ни в чьих глазах.

Видеть страх — для Аксагова было нормой, почти необходимостью, как воздух или утренний кофе. Но полковник одним своим острым взглядом мог сам напугать кого угодно — хоть прокурора, хоть вора в законе.

На одно мгновение Диане показалось, что сам Арслан готов превратиться в эту самую дрожащую лужицу у ног Климова — и это было настолько неправильно, настолько страшно, что она на секунду перестала дышать.

Аксагов стал делать частые, глубокие затяжки — одну за другой, словно сигарета была последним якорем, удерживающим его в реальности. Это говорило о том, что он сильно нервничает.

Диана за семь лет уже хорошо изучила Арслана и все его привычки: этот жест был верным признаком опасности. То, что она наблюдала сейчас, ей категорически не нравилось. Обстановка накалялась, как сковородка на медленном огне.

Кажется, Арслан нашёл наконец собеседника, который, как и он сам, всё время пребывает на чеку — и никого не боится. Такой же властный, жестокий и смертельно опасный.

— Ты выяснил, что я просил? — спросил Аксагов, как бы невзначай, но голос его дрогнул на последнем слове.

— Да, — коротко ответил Климов, сверля его взглядом.
— И ещё кое-что.

— Что же? — Аксагов прищурился, и на лбу его пролегла глубокая складка.

— Полковник Гирин подготовил для тебя своего мальчика, Аксагов. — Климов говорил медленно, смакуя каждое слово. — Поэтому смотри внимательно, кого принимаешь в свои ряды. Проверяй каждого самым тщательным образом — через меня, через своих людей, через ФСБ, если надо. Иначе у тебя заведётся крыса. А крысы, сам знаешь, весь дом сжирают.

Аксагов не сильно удивился — такое уже случилось не впервые. Но крыс в коллективе он, как правило, выявлял быстро и уничтожал без лишних сантиментов. Однако на этот раз что-то внутри него ёкнуло.

— Знаешь — кто? — спросил он тихо, почти шёпотом.

— Знаю.

— Кто?

— На этот раз он подготовил для тебя нечто особенное, — усмехнулся Климов, и улыбка его была похожа на оскал. — Агент — один из его лучших людей. Матерый, обученный, безжалостный. И очень терпеливый.

— Имя? — Аксагов подался вперёд, забыв о сигарете; пепел упал на дорогой ковёр.

Климов прищурился — медленно, как змея перед броском.

— За дурака меня не держи, — произнёс он ледяным тоном. — Эта информация стоит очень дорого, чтобы я тебе о

ней распространялся просто так, за красивые глаза.

— Я заплачу, — Аксагов даже не колебался. — Назови цену.

— Конечно, заплатишь. Куда ты денешься? — Климов снова бросил долгий, тяжёлый взгляд на Диану, стоящую у картины. — Только ты сперва за предыдущую работу со мной рассчитайся — полностью, до копейки. И накинь сверху за то, чтобы я завершил начатое дело. Иначе...

Он мог и не заканчивать. Аксагов и так знал, что будет «иначе» — ничего страшного, просто он не избавится от своей проблемы. Вот и всё. Но именно этого он допустить не мог. Потому что эта проблема имела имя, фамилию и привычку появляться в самый неподходящий момент.

— Я могу дать тебе ту сумму, о которой мы изначально договаривались, — сказал Аксагов, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, — плюс двести тысяч сверху. Как тебе такое предложение?

Диана повернулась спиной к мужчинам, медленно, почти танцуя, прошлась по паркету, выстукивая тонкой шпилькой изящных туфелек короткую нервную дробь — цок-цок-цок, — потом уселась на диван, обтянутый тёмно-золотистым бархатом.

Она опустила голову, делая вид, что внимательно рассматривает свой маникюр — каждый ноготок, каждую блестящую капельку лака, — потом стала теревить своё дорожное кольцо, перебирая пальцами холодные камни.

Она притворялась пустоголовой красавицей, которая ничего не понимает в мужских разговорах, хотя на самом деле понимала абсолютно всё — каждое слово, каждую паузу, каждую угрозу, повисшую в воздухе. И отлично знала, что означает сейчас для Арслана то, что он предложил полковнику.

По сути, мужчина прогнулся под Климова — на глазах у своей женщины, на глазах у всего мира, — а Климов даже не оценил этого жеста. Только усмехнулся ещё гаже.

Арслан слегка покосился на Диану. Его бесили эти жирные, масляные взгляды, которыми полковник щедро, как подачками, одаривал его спутницу, но сделать замечание этому человеку было нельзя. Никак. Это значило подписать себе смертный приговор.

Арслан был доволен хотя бы тем, что сама Диана даже не смотрела в сторону Климова. Сидела как статуя — красивая, холодная, равнодушная.

С ней Арслан уже семь лет — рекордный срок для такого, как он.

Девчонке Арслан доверял настолько, насколько вообще мог доверять кому-либо после трёх покушений и двух предательств. Он искренне считал, что эта тупоголовая красивая курица вряд ли понимает суть всех тех сделок, которые он проворачивал — как при ней, так и без неё. Для него она была дорогой, красивой, удобной вещью.

Арслан был уверен: Диане на всё наплевать, кроме тря-

пок и милых побрякушек, подаренных им. Она интересуется лишь теми благами, которые он может ей дать, а не его грязным бизнесом. Кроме нарядов и украшений, девочка точно ничем больше не интересуется — это делало её в глазах Аксагова идеальной.

Арслану очень нравилась эта женщина — так нравятся дорогие часы или автомобиль, который никогда не подводит. Он всегда выставлял её перед своими людьми как свой главный трофей, как доказательство того, что он может позволить себе всё. С этой женщиной не стыдно было показаться на людях даже в самом высоком обществе.

Диана старалась соответствовать его требованиям — внешне, по крайней мере. Всё-таки этому человеку она была обязана. Он спас её. Правда, плату за своё спасение попросил весьма дорогую — как она считала тогда и считает до сих пор.

Но тогда, семь лет назад, оставшись совсем одна, без родителей, с врагами убитого отца за спиной, в свои восемнадцать лет, она не могла противостоять этому взрослому, сильному, уверенному мужчине. Он ведь знал, что она загнана в угол, напугана до полусмерти — и не сможет отказать. Так и вышло.

Диане нравилась щедрость Арслана, которую он время от времени показывал — щедрость богатого, привыкшего платить мужчины. Сама она никогда у него ничего не кланчила и не выпрашивала. Ни разу. Брала лишь то, что давал он сам

— и только это.

В самом начале их отношений она отказывалась вообще что-либо принимать — ей было стыдно, противно, неловко, — но он быстро убедил её, что это глупо. Ему приятно делать ей подарки, а она должна блистать — чтобы радовать его, ублажать его самолюбие.

Многие безделушки из тех, которые он ей дарил, Диана тайно продавала. Деньги лишними ей точно не будут. Ведь не вечно же — она это знала с самой первой ночи — не вечно же рядом с ней будет Арслан.

Диана даже иллюзий не питала насчёт прочности своих отношений с этим мужчиной. Это сейчас он говорит, что любит её — на ночь, в темноте, когда не видно глаз, — но Диана не была столь наивной, чтобы не понимать: вечными его чувства не будут. Никто и ничто не вечно в этом мире — особенно чувства таких, как Аксагов.

Сейчас она молода. Очень красива. Сексуальна. Неотразима. Но пройдёт время — и что тогда? Что останется от неё, когда зеркало начнёт говорить правду?

Необходимо обеспечить себе достойные отступные. Когда она надоест Арслану — а это случится неизбежно, рано или поздно, — у неё должен быть неплохой запас денег, чтобы начать новую жизнь. Там, где нет Аксагова. Где нет Климова. Где нет выстрелов в спину.

Диана Арслана не любила. Кроме глубокого, тёмного чувства благодарности, она больше ничего к нему не испытыва-

ла — ни страсти, ни нежности, ни той сладкой боли, о которой пишут в любовных романах.

Арслан Аксагов не только спас ей жизнь — тогда, напуганной восемнадцатилетней девчонке, — но и вырвал её из рук врагов, убивших её семью. Обеспечил всем — кровом, едой, защитой — и сделал своей дорогой, блестящей игрушкой. С тех пор прошло семь лет. Семь долгих лет.

— Меня не устраивает эта сумма, — услышала девушка ледяной, спокойный голос полковника.

— Как это? — удивился Аксагов, и в его тоне впервые за вечер проскользнули растерянные нотки. — Я предлагаю тебе гораздо больше, чем кому-либо. И ты это отлично знаешь.

— Но я не «кто-либо», Аксагов, — тихо, с нажимом произнёс Климов. — И ты это тоже знаешь.

— Знаю, — после паузы, тяжело выдохнув, ответил Арслан. — Хорошо. Чего же ты хочешь в таком случае, а?

— Вот её, — процедил полковник, медленно поворачивая голову в сторону Дианы. — Хочу эту женщину. Себе.

Диана замерла. Перестала рассматривать ногти и браслет. Воздух в комнате стал густым и вязким, как смола. Мозг девушки усиленно, лихорадочно заработал, просчитывая варианты.

О ком это они говорят? Кого «её»?

Ведь здесь, кроме их троих, больше никого нет. Женщин других, кроме неё, здесь нет.

Неужели это она? Неужели он имеет в виду её?

Диана нерешительно подняла голову и посмотрела на полковника — тот прожигал её своим острым, как лезвие, взглядом, а на лице мужчины не было абсолютно никаких эмоций, будто под ним не билось живое сердце, а лишь работал холодный механизм.

Холодок страха — липкий, змеиный — прошёлся по спине девушки, оставляя за собой мурашки, от которых невозможно было избавиться.

Она вдруг поняла с ледяной ясностью: этот мужчина требует сейчас именно её, а не какую-то иную женщину, словно она — вещь, товар, пустое место, которое можно занять по прихоти.

Страх сдавил грудную клетку стальным обручем, лишив возможности глотнуть новую порцию воздуха, но паника — дикая, слепая — постепенно стала отпускать, уступая место странному, почти болезненному спокойствию.

Арслан Аксагов никогда не допустит этого.

Арслан — собственник, каких ещё не видел свет: он никогда и ни с кем ею не делился, даже мысли такой не допускал в своей ревливой, до безумия пылкой голове.

Она — лишь его женщина, у неё никогда не было другого мужчины, кроме Арслана, и он об этом знал и ценил Диану с какой-то почти первобытной нежностью, всё время присмат-

ривая за ней, как за своей самой ценной драгоценностью, которую могут украсть в любую минуту.

Ни одному кобелю не позволял засматриваться на свою девочку — а тем, которые позволяли себе лишнее в отношении его женщины, руки обламывал с хрустом, а у некоторых, особенно настойчивых, и жизнь отбирал, не моргнув глазом.

Аксагов достал ещё одну сигарету, щёлкнул зажигалкой и снова закурил, лениво, но с прищурой опасной кошки смотря на полковника, изучая каждую складку его лица.

Потом подошёл к Диане, обнял её, прижав крепко к себе — так, что она слышала ровный, уверенный стук его сердца.

— Диана — только моя женщина, полковник, — голос Арслана звучал тихо, но в этой тишине чувствовалась сила, способная раздавить любого, кто посмеет перечить. — Полагаю, что я не должен объяснять тебе, что это значит? Особенно, когда вылетает из уст кавказского мужчины? Попроси другую цену.

Арслан запечатлел чувственный, почти собственнический поцелуй на губах девушки — медленно, со вкусом, словно ставил клеймо, и Диана перевела дыхание, вырываясь из оцепенения.

Кажется, что ей ничего не угрожает — конечно же, Арслан никому не отдаст её, не за чем ей было так пугаться, этот кавказский мужчина умеет стоять за своё, как никто другой на свете.

— Я не собираюсь забирать у тебя твою бабу, Аксагов, — полковник усмехнулся, и усмешка эта была хуже пощёчины. — Можешь и дальше наслаждаться всеми её прелестями, сколько влезет. Мне же она нужна лишь на сейчас... на одну эту ночь... я хочу оттрахать её как следует — во все прелестные дырочки — и всё. После можешь забирать обратно, хоть залижи её раны. Отдашь мне бабу — и я дам тебе информацию на агента, которого к тебе пришлют, а, что самое главное, сделаю работу, которую, как ты сам знаешь, не сделает никто, кроме меня.

Диана с яростью, горячей и беспомощной, уставилась на мужчину, её зелёные глазища загорелись недобрым огнём: да пусть этот мужлан говорит всё, что хочет — Арслан её не отдаст, и точка.

Больше ей не было страшно — уверенность затопила каждую клеточку её тела, словно тёплая волна, смывающая остатки паники.

Полковник мгновенно перехватил её разгневанный взгляд, прищурился, как сытый удав, и как-то нехорошо, медленно покачал головой, будто ставил диагноз неизлечимо больной.

Он так пристально смотрел на неё, что, казалось, сканирует девушку, видит насквозь все чувства и эмоции... душу её видит, всю, до самого дна, где прячутся детские страхи.

Этот острый, немигающий взгляд был невыносим — она ощущала его физически своей кожей, каждым нервом, каж-

дым волоском на руках.

— Я же сказал тебе, что это моя женщина, — в голосе Аксагова стал чувствоваться виток злости — глухой, поднимающейся из самых недр, как лава перед извержением. — Трахаю её только я.

Да как этот подонок мог вообще предложить такое ему — ему, Арслану Аксагову, чьё имя заставляло дрожать самых отчаянных смельчаков?

Никто из своих не смел бы так унижить его — никто, даже в пьяном угаре, даже под страхом смерти.

Но этот полковник возомнил себя не просто бесстрашным, но и бессмертным — хотя, надо признать, он имел все основания, чтобы так считать, и это бесило ещё больше.

Да если хоть кто-то из окружения Арслана узнает о том, что женщину Аксагова поимел другой мужик, над ним долго будут смеяться свои же — кавказцу не пристало делить свою женщину ни с кем, это позор, который смывается только кровью.

Климов об этом хорошо знает — просто не может не знать, он не дурак и не ребёнок.

К чему тогда завёл этот разговор?

Нарывается?

Полковник лишь ядовито усмехнулся и молча смотрел на парочку — он словно тот хищник выжидал, не говоря ни слова, наслаждаясь напряжением, как паук мухой.

Но этого и не требовалось: за него говорили его глаза и

напряжённая, готовая к броску поза, рука, которая уверенно легла на кобуру, где лежал пистолет, нагретый телом.

Диане не понравилось то беспокойство, которое отразилось в этот миг в глазах Арслана — это что такое?

Беспокойство?

Он волнуется — или, хуже того, раздумывает над предложением полковника?

Словно уловив угрозу, которая стремительно приближалась к ней, как поезд на полном ходу, Диана прижалась к Арслану, бросив на своего мужчину взгляд, полный отчаяния, даже мольбы — такой, какой она никогда прежде не позволяла себе.

Полковник выжидающе молчал, сложив руки на груди, во взгляде его стыла непреклонная самоуверенность, и всем своим видом он показывал: не шутит и от слова своего не отступится ни на шаг, даже если мир рухнет.

Взгляд Арслана заметался от Дианы к полковнику, от полковника к Диане — как загнанного зверя, который вдруг понял, что клетка захлопывается.

Такое сильное беспокойство Аксагова волновало девушку до тошноты: прежде он так себя ни с кем и никогда ещё не вёл, даже в самых опасных переделках.

Климов определённо имеет какое-то особенное, специфическое, почти мистическое влияние на Аксагова — власть, о которой Диана не догадывалась.

— Пошутили — и хватит, полковник, — попытался пе-

ревести всё в шутку Аксагов, но голос его дрогнул, выдавая фальшь. — Я предлагаю тебе большие деньги. Ни одна шлюха, даже самая красивая, не стоит таких бешеных деньжищ. Ради мимолётной ночной забавы глупо отказываться от такой внушительной суммы. Я тебе заплачу, а после ты уйдёшь и снимешь себе столько девок, сколько захочешь — одно твоё желание, и у твоих ног будет любая красотка, хоть модель, хоть актриса.

Полковник лишь продолжал молча сверлить Аксагова своим убийственно-проницательным взглядом — не моргая, не отводя глаз, как змея перед броском.

Вид Климова стал зловещим, почти нечеловеческим: мужчине явно было глубоко плевать на мнение Арслана, он уже назвал свою цену и обсуждать её не собирался, а торговаться так же не входило в его планы — он был выше этого.

Аксагов заметно кипешевал — пальцы его нервно сжимали сигарету, ломая фильтр, взгляд всё время метался от Климова к Диане, как маятник безумия.

Климов явно не тот мужчина, который станет менять своё решение — вне всякого сомнения, прежде чем говорить такое, он всё продумал для себя, в том числе и всевозможные последствия, и пути отступления себе не оставил.

Сейчас же полковник терпеливо ждал решения Аксагова — своего решения Климов менять не станет, даже если небо упадёт на землю.

Аксагов паниковал — открыто, не скрывая, нервно погля-

дывая на девушку, и эта паника была страшнее любой угрозы.

Климову и говорить ничего не надо было — весь вид этого мужчины говорил о том, что он не примет отрицательный ответ Аксагова, просто не примет, раздавит, как насекомое.

Проклятье!

Как такое может быть?

Арслан понимал: он не может отдать ему Диану, не может, потому что тогда перестанет быть собой.

А ещё он понимал: если не отдаст мужчине сейчас того, чего тот хочет, Климов уйдёт и не сделает вторую часть работы — а миссия эта очень важна, важнее, чем одна женщина, как бы цинично это ни звучало.

Никто не сделает так чётко эту работу, как полковник Климов, ведь лишь у него есть в руках не только огромная власть, но и все необходимые для этого связи — невидимые нити, дергая за которые, он двигает судьбами.

Если Арслан сейчас ему откажет, то в лучшем случае полковник просто уйдёт с миром, а в худшем — сделает всё, чтобы уничтожить самого Аксагова, стереть в порошок, и Аксагов знал: у него это может получиться, потому что Климов не бросает слов на ветер.

Вот что ему делать?

Выбор был почти очевиден — омерзителен, невозможен, но очевиден.

Аксагов вновь закурил — уже новую сигарету, и Диана

даже сбилась со счёта, какую по счёту он выкуривает за этот вечер, полный ужаса.

Зелёные глаза Дианы широко распахнулись, когда она наблюдала за тем, как Арслан к ней медленно приблизился — его взгляд прошёлся по её хрупкой фигурке, оценивающе, холодно, будто он видел её в первый раз.

Глаза её мужчины были холодными, даже какими-то зловещими, с проблесками горечи или сожаления — она так и не поняла, что именно там пряталось, но ничего хорошего.

Так вот он на неё ещё никогда в жизни не смотрел — словно оценивал, взвешивал все «за» и «против», как бездушный калькулятор, а не любящий мужчина.

Диану пугал такой взгляд Арслана — она дыхание затаила, выжидая, как заяц перед волком, и каждая секунда тянулась вечность.

— М-да, — протянул Аксагов, отойдя от Дианы, взяв направление к двери, и голос его звучал глухо, будто издалека. — Уверен, что я найду, куда спустить двести тысяч долларов, полковник. Если вы уверены в том, что секс с моей женщиной стоит таких денег... что же... На всю ночь этот номер в вашем полном распоряжении. Девчонкой пользоваться аккуратно: не бить и ничего ей не порвать, не повредить. Вернуть в том виде, в котором получили, — сказал он, зная, какой крутой норов у этого человека и как жестоко он обращается с людьми, особенно с женщинами, которых считает расходным материалом.

Арслан был не в силах вынести изумлённого, полного боли взгляда Дианы — развернулся и направился прочь из номера, а спиной казался чужим, незнакомым человеком.

— Как это? Что ты говоришь? — девушка подскочила на своих каблуках, да так резко и резво, что едва не сломала каблук, и голос её сорвался на крик, полный неверия.

Она просто ушам своим верить отказывалась — это не могло происходить наяву, только в кошмарном сне.

Её Арслан не мог такого с ней сделать — только не он, только не тот, кто клялся в верности.

Как он мог так с ней поступить?

Как мог отдать этому старикашке с хищными глазами?

Разве такое возможно?

Он ведь пошутил... он должен был пошутить...

Диана до последнего не верила, что Арслан уйдёт — она с отчаянием, граничащим с безумием, смотрела в спину уходящего мужчины, в надежде, что он обернётся, рассмеётся, скажет: «Я просто проверял тебя».

Но он ушёл, захлопнув за собой дверь — и этот звук ударил её, как пощёчина.

Воцарилась зловещая тишина — такая густая, что можно было резать ножом.

Полковник стоял недалеко от дверей и высокомерно смотрел на перепуганную девушку, зелёные глаза которой наполнились страхом и пониманием ужасающей действительности, которая обрушилась на неё, как тонна кирпичей.

Этого не может происходить с ней на самом деле — сейчас Арслан вернётся и скажет, что пошутил, пусть только он вернётся, она его не станет упрекать, даже не взглянет с укором.

Он не мог продать её этому жуткому человеку, пусть и за столь большие деньги — ведь всегда говорил, что она для него бесценна, что она — его жизнь.

Рука девушки невольно вытянулась вперёд, в направлении закрытых дверей, ноги парализовало, и она не могла сделать ни шага, вздохнуть не могла, моргнуть не могла — ничего не могла, кроме как стоять и смотреть в пустоту.

Шок и паника взяли в плен всё её тело — от нехватки воздуха голова пошла кругом, перед глазами поплыли разноцветные круги, как в дешёвом калейдоскопе.

Диана ничего не слышала, кроме грохота собственного сердца в груди, да шума в ушах, похожего на прибой перед бурей.

С диким отчаянием в изумрудных глазах она оцепенела, пялилась с ужасом на закрытую дверь, но та и не думала открываться — стояла глухая, немая, невозмутимая, как стена тюремной камеры.

То, что сейчас сотворил с ней Арслан, просто не укладывалось у неё в голове — разум отказывался принимать эту новую, чудовищную реальность.

Как он мог отдать её другому мужчине?

Ведь лишь он один у неё всегда был единственным — она

никогда даже не целовалась в губы с другим, лишь с ним одним, только с ним.

Аксагов у неё был первым во всём — первым и единственным, её Богом и господином, её миром, который рухнул в одно мгновение.

Как же он мог сейчас так предать её, зная, как важно для неё не чувствовать себя разменной девкой, не быть проданной, как вещь на базаре?

Но именно сейчас ей жестоко указали на её истинное место — и это место оказалось у ног чужого, опасного мужчины, чей взгляд уже ощупывал её, как собственность.

Диана словно сквозь пелену перед глазами наблюдала за тем, как Климов подошёл к двери и закрыл её на замок — даже про цепочку не забыл. Ключ положил сверху на шкаф и бросил на женщину ухмыляющийся, похотливый взгляд.

Диана понимала: из номера ей точно не вырваться.

Но что же ей делать?

Позволить изнасиловать себя этому старикашке?

Ладно бы просто изнасиловать — хотя даже этого она не знала, как сможет пережить. Климов её просто изуродует. Она слышала сплетни среди людей Арслана о том, в каком жутком состоянии шлюхи покидали постель Климова.

Этот человек наслаждался, причиняя боль другим. Вряд ли с ней он станет обращаться мягко. Слова Арслана о том, чтобы полковник не бил её и не вредил, мало тронули этого человека. Он сам себе хозяин и ни перед кем преклоняться не станет.

Ей никто не поможет. Она осталась одна.

Память внезапно вернула её в тот день, когда она за раз лишилась обоих родителей. Её бы тогда тоже убили, но внезапный приход друга отца — которым и был Арслан Аксагов — спас девушку.

Диана тогда была совсем молоденькой и напуганной, вся тряслась от страха и ужаса, после долго не могла прийти в

себя. И Арслан воспользовался её беспомощностью и беззащитностью — почти силой уложил под себя, сделал своей игрушкой.

Она терпела, потому что Арслан её ценил... как ей тогда казалось. Да и уйти от него не могла: за ней повсюду ходили его охранники. Однажды девушка пыталась сбежать, но её вернули на место. В тот день Аксагов впервые жестоко избил её. Потом просил прощения и буквально умолял простить его — она сделала вид, что простила. Иной вариант Арслана просто не устроил бы.

Но в тот миг умерла какая-то часть её души, наивность погибла. Диана стала другой. Мирилась с Аксаговым, который больше её никогда не обижал... до сих пор.

Сейчас она так же чувствовала страх, как и тогда, когда осталась совсем одна в этом мире.

Паника овладевала ею всё сильнее. Ведь она точно знала: никто не придёт и не спасёт её. Необходимо спасать себя самой.

За годы жизни, проведённые с Арсланом, она кое-чему научилась. Аксагов изменил Диану, сделал сильнее — она изменилась внутренне, сердце стало грубее, а невинная душа молоденькой девочки повзрослела и ожесточилась.

В отчаянии девушка завертела головой, осматриваясь. Взгляд выискивал предметы, которые можно было бы использовать для самозащиты.

Ноги стали ватными. Она так и стояла, словно статуя. Не

шевелилась, смотрела, как Климов приближается к ней с неприятным оскалом на лице.

Полковник приблизился, встал перед ней — её грудь соприкоснулась с его.

Мужчина внимательно стал рассматривать её лицо, потом его взгляд опустился ниже, замер на вырезе декольте и прошёл по стройным ногам.

Диана, затаив дыхание, наблюдала за тем, как его рука вытянулась, схватила её рыжие пряди и принялась перебирать их — он явно наслаждался их красотой, яркостью и шелковистостью.

— Ты очень красивая, Диана. Будешь себя хорошо вести — сильно не обижу. Твоё дело — быть покорной, — голос его звучал так холодно и грубо.

В этот момент Диана поняла: Климов сделает с ней всё, что пожелает.

Она снова оглянулась. Рядом не оказалось ни одного предмета, который она могла бы использовать, чтобы защититься. Да и что она смогла бы сделать, даже если бы нашла такой предмет? Против такого сильного мужчины? Да точно — ничего.

Девушка с трудом дышала — но должна была дышать, чтобы сознание от ужаса не потерять.

Внезапно её осенило: у неё есть одно оружие. Такое, которое способно убить наповал любого мужчину. И это — её красота. Именно своими внешними данными она и восполь-

зуются, чтобы спасти себя из лап этого чудовища.

Диана выдавила из себя самую милую улыбку, на которую только была способна, протянула к мужчине руку и прикоснулась к его щеке. Климов смотрел на неё настороженно — словно ожидал какой-то подставы.

— Не играй со мной, девушка, — рявкнул он, отмахиваясь от её руки. — Эти нежности мне не нужны.

— Тогда что тебе нужно? Скажи — и я это сделаю.

— Покорной? — он хитро прищурился, смеряя её взглядом, будто пытаясь раскусить игру, которую она с ним затеяла. Но и Диана была крепким орешком.

— У меня нет выбора, разве не так? — тихо спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи.

— Нет. И я рад, что ты это понимаешь.

Мужчина приблизился к огромной кровати и сел на неё, расставив ноги.

— Приступай, — он кивнул на ширинку своих брюк.

Диана напряжённо сглотнула. Она понимала, чего именно этот старый гад хочет от неё, но прежде никогда такого не делала. Арслан её не просил.

Диана знала: Аксагов периодически изменяет ей, таскаясь по шлюхам, но ей так даже было проще. Чем реже с ним приходилось спать, тем ей же лучше. Удовольствия от секса с Арсланом она не получала — только удовлетворяла его.

— Давай, — нетерпеливо прохрипел Климов. — Я не люблю долго ждать.

Диана подошла, села к нему на колени и потёрлась лицом о его щёки.

Вдохнув её запах, мужчина застыл, схватил её голову и впился в губы грубым, жёстким поцелуем — причиняя боль. Несомненно, он делал это умышленно, пытаясь вывести девушку на эмоции. Но Диана никак не реагировала. Она не позволит эмоциям взять верх.

Мужчина оторвался от губ Дианы, насмешливо посмотрел на капельку крови, повисшую на её нижней губе.

Климов знал, что причинил девчонке боль. Ждал от неё упрёков — как это обычно бывало, когда он проводил время с другими женщинами. Но Диана улыбалась, делала вид, словно Климов — самый изысканный десерт, который она может только попробовать.

Диана молча вытерла ухоженным пальчиком кровь с губ и прижалась губами к мужчине, целуя мускулистую шею, дёрнула его пиджак вниз.

— Кажется, это лишнее. Его надо снять, — промурлыкала она.

Полковник впервые был дезориентирован женщиной. Эта девчонка либо напугана до такой степени, что даже слова против сказать не может, либо ей нравится, когда мужчина ведёт себя с ней грубо. Хотя нет — ничего удивительного. Эта девушка — женщина Аксагова. А Арслан никогда не отличался мягким нравом.

Климов стянул с себя пиджак и положил рядом на кро-

вать.

Диана сделала от мужчины два шага назад и, расстегнув молнию на платье, медленно сняла его с себя. Её взгляд был устремлён на мужчину, который не в силах был отвести от неё своих глаз. Эта зеленоглазая рыжая бестия прекрасно умела пользоваться всеми преимуществами, которыми природа щедро её наделила.

Климов потрясённо замер, рассматривая девушку. Она была невероятно красива. Рыжие локоны волнами разметались по спине, частично прикрывая плечи, зелёные глаза горели. Кружевное нижнее бельё бежевого цвета — в тон платья, а ещё возбуждающие чулки — просто подогревали и без того рвущееся наружу желание мужчины.

Диане было тяжело улыбаться, приходилось переступать через себя — но она должна, иначе будет хуже. Она в этом даже не сомневалась.

Девушка видела, каким пожирающим взглядом смотрит на неё Климов.

Знала, каким магическим свойством обладает почти обнажённый вид её тела.

Похоть и желание были в глазах полковника.

— Ты решила соблазнить меня, чертовка? — уточнил он, тяжело сглотнув.

— Всего лишь хочу сделать вам приятное. У нас впереди целая ночь, — её голос звучал тихо, соблазнительно. Впрочем, в этой женщине соблазнительным было абсолютно всё.

Она представляла собой большую конфету, которую хочется съесть целиком и без остатка.

Диана выгнулась перед мужчиной, скинула с себя бюстгальтер — и полковник просто вслух застонал, рассматривая её совершенной формы грудь, увенчанную розовыми сосками. Грудь у девушки была идеальной формы — такой, как он любил.

Он встал, приблизился к ней, обхватил лапищами нежные полушария, а потом впился в сосок губами.

Кажется, он расслабился. Сейчас он ничего не хотел так сильно, как швырнуть эту женщину на постель и взять её.

Собственно, ему ничего не мешает. На эту ночь она — его.

Мужчина подтолкнул девушку к кровати — она упала на неё спиной, со страхом наблюдая за тем, как он нетерпеливо принялся бороться с ремнём на брюках, а потом и снимать брюки. Взгляд Дианы остановился на его пиджаке, который лежал в углу кровати.

Девушка одним быстрым движением схватила пиджак и вытащила из внутреннего кармана пистолет.

Встав по другую сторону кровати, Диана направила на мужчину оружие. Он, стоя без штанов, яростно посмотрел на почти обнажённую женщину с пистолетом в руках.

В другой ситуации это представление могло бы его позабавить и даже возбудить. Но сейчас... В Диане на расстоянии чувствовалась опасность, какая-то скрытая угроза.

Конечно, чего ещё можно ожидать от женщины Аксагова.

Он слепил её под стать себе.

— Опusti оружие — и я забуду про то, что ты сделала. Если же я сам заберу у тебя пистолет, то запихаю его тебе между ног, девочка. Тебе мало не покажется, поверь, — злоба сквозила в его голосе. Это надо же было так потерять голову от девки, которая, кажется, только и ждала удобного случая, чтобы учудить нечто подобное.

— Оружие, Диана. Положи его на пол. Живо! — рывкнул он снова, сделав шаг к ней.

— Не приближайся, — в страхе крикнула она, пытаясь контролировать эмоции.

— Поранишься. Подобные игрушки не для таких девочек, красивая, — процедил он.

— Член твой — не игрушка для таких, как я. А это, — она кивнула на пистолет, который отчаянно сжимала в руках, — самое оно. И если уж на то пошло, лучше пистолет между ног, чем член какого-то мужлана, ещё и престарелого.

— Отдай, пока не поранилась, — шипел он.

— Не поранюсь, — ответила девушка, тряхнув огненной гривой волос, неотрывно следя зелёными глазами за каждым движением мужчины.

Через мгновение Климов услышал характерный щелчок. Эта девица сняла оружие с предохранителя.

Да он просто придушит её. Отделает так, что она этого в жизни не забудет.

— Не выводى меня из себя, девочка. Ты хоть имеешь по-

нятие, что я сделаю с тобой за эту выходку? Последний разговорю тебе: опусти пистолет. Я сделаю вид, что этой выходки не было.

Она отрицательно покачала головой, зная, что он лжёт. Да в его глазах горела жажда убийства. Он изувечит её за эту выходку. Пути назад не было — она пойдёт до конца.

— Ты, оказывается, отвратительно воспитана, красивая. Но я тебя перевоспитаю. Обещаю. Эту ночь ты никогда не забудешь!

— Я забуду её сразу же, как выйду из этого номера. А вот меня, полковник, ты не сможешь забыть никогда.

Полковник в бешенстве ринулся к ней.

— Не подходи! — крикнула она в отчаянии.

— Я сказал — отдай игрушку, шлюха! — рыкнул он, буквально кинувшись на девушку. Она вскрикнула — и в следующее мгновение раздался выстрел.

Климов в шоке уставился на кровавое пятно, которое стремительно расплзлось в области его груди. Его глаза налились кровью и взбешённо уставились на девушку.

Эта сука ранила его?

Да как такое вообще может быть?

Диана была напугана, толкнула его и отбежала в сторону.

Климов пошатнулся и упал на пол, зацепив головой угол прикроватной тумбы.

Диана на негнущихся ногах приблизилась к мужчине, который лежал на полу и не шевелился.

Даже подумать страшно — а вдруг он мёртв!

Руки и ноги у неё стали ватными, задрожали. Диана почему-то была уверена, что убила негодяя. Казалось, Климов даже не дышал — грудная клетка не двигалась. Возможно, ей это только казалось из-за страха, паники и шока. Но она должна взять себя в руки. Кроме неё самой, помочь ей сейчас просто некому.

Она не станет разбираться во всём том, что касается Климова.

Даже если он мёртв — ей плевать.

О себе надо думать сейчас. Необходимо срочно одеться.

Девушка бросилась к своим вещам, быстро одеваясь.

Трое мужчин, сидя за столиком в ресторане гостиницы «Royal», всматривались в посетителей, сменяющих один другого. Здесь не было простых людей — только те, у кого водились деньги. И немалые.

— Куда? — задумчиво протянул Камиль Булатов, поморщившись и сделав глоток вина. — А вино у них отвратное.

— Так не употребляй, — ответил второй мужчина.

— Так я и не употребляю. Так, балуюсь иногда. Расслабься, Артур. Сидишь нахлобученный, словно сыч, и пялишься на всех.

— Суженую выискивает, — произнёс сидящий рядом с Артуром высокий русоволосый мужчина, закуривая.

— Так куда? — повторил Булатов.

— На Кавказ, — ответил Артур как-то мрачно, делая глоток воды.

— Зачем?

— Всё за тем же.

Камиль знал: спрашивать конкретно — за чем именно — не стоило. Капитан Артур Громов, теперь уже неделю как майор Громов, ему об этом всё равно не скажет. Годы работы в ФСБ приучили его держать язык за зубами и знать, что и когда следует говорить, а что — нет. И кому.

— Получил на днях повышение — и сразу же последовало

очередное задание? — уточнил Камиль.

— Ну, с полковником Гириным сильно не расслабишься. С тех пор как Калугин самоустранился от всех дел, Гирин везде использует меня как ту затычку, — добавил Артур.

— Этот с тобой? — Камиль кивнул в сторону русоволо-
сого.

— Пашка всегда со мной, — хмыкнул Артур.

— Только вот ты, получив майора, Артур, не самоустра-
нишься, как и Калугин. Почему-то стоит только нашим орлам
из отдела повыситься до майора — и они бегут со службы,
— хмыкнул Павел, затягиваясь сигаретой.

— Я ведь позвал сюда тебя не просто так, Булатов. Мне
нужна раскладка, — протянул Артур, всматриваясь в чёрные
глаза Камиля и почти не замечая Павла.

Булатова Артур Громов знал уже два года. И Камиль стал
одним из его самых лучших приобретений. Булатов в своё
время был влиятельным криминальным авторитетом этого
города — и согласился работать на спецслужбы.

Сначала Артур относился к нему с недоверием, впрочем,
как и к информации, которую получал от Булатова, но со
временем мужчины даже смогли подружиться. Это было по-
чти нелепо, если учитывать тот факт, что Артуру пришлось
прибегнуть к шантажу, чтобы прогнуть Камиля в нужном на-
правлении.

— Объект, Артур? — уточнил Камиль.

— Рогозин Ахмет.

— Хм. А что с ним не так? Подонок, каких немало.

— Узнай через свои источники, что связывает Рогозина и полковника Климова, — Артур придвинулся ближе. — А потом доложишь мне лично. Знаю, что ты можешь, Камиль.

— Рогозин — один из лидеров кавказской группировки, Артур. Я о нём мало что знаю, — напрягся Камиль. Ему не нравилась тема этой беседы.

— Но ты ведь знаешь, кто может знать. Не так ли?

— Я не...

— Камиль, не увиливай. Мне известно, что твой дружок Рашидов прогнал через Рогозина весь нелегал, связанный с брюликами.

— Артур, это когда было? Год назад. Дамир Рашидов отошёл от нелегала.

— От нелегала — да, от криминала — практически нет. Но у него есть нужная мне информация.

— Которой он вряд ли станет делиться с тобой.

— Но он поделится ею с тобой.

— Артур, — Камиль уже начинал раздражаться, — ты хоть понимаешь, куда лезешь? Прости, друг, но у меня семья: жена, трое детей. Я не стану лезть к лидерам кавказских группировок. Рашидов тоже не станет. Ему, как и мне, есть чем рисковать — жену и своих близнецов он под удар снова не поставит.

Артур понимал: силой Камиля заставить работать не сможет. Что ж, видимо, слова Булатова не лишены смысла.

— Ты одиночка, Артур, тебе не понять меня, — добавил Камиль. — Но я уверен: придёт время, и ты сможешь понять.

— Я не могу тебе приказывать, Камиль. Но всё же...

— Чем смогу — помогу. Лады?

— Хорошо.

— Это Климову вы здесь на хвост присели?

— Климова водит Пашка.

— А ты кого?

— Прости. На эту тему говорить просто не могу.

— Понятно. Когда уезжаешь? — Камиль бросил странный, цепкий взгляд на Павла. Что-то не нравился ему этот напарник Артура — и всё тут. Вроде и мужик нормальный, но чуйку свою Булатов игнорировать не мог. Она у него годами отточена и доведена почти до совершенства. За Павлом Камиль точно будет приглядывать. А вот насчёт Рогозина...

— Через пять дней.

— Как надолго, Артур?

— А чёрт его знает.

Диана никогда в жизни, наверное, не одевалась так быстро, как сейчас. Через две минуты она уже стояла перед зеркалом, оценивая свой внешний вид.

В глазах плескался страх. Лицо было встревоженным и бледным.

Холодным.

Необходимо хоть как-то снять эту маску ужаса с лица — иначе она себя выдаст.

Девушка покосилась на свои туфли на шпильке, взяла их в руку и осмотрелась.

Тихо.

Полковник лежал на полу у кровати и не шевелился.

Страшно было лишь от одной мысли, что она могла убить этого мерзавца. Диана не была наивной — она прекрасно понимала, что сделают с ней, если Климов склеит лапы по её вине.

За дверью номера должны дежурить двое парней Аксагова. Так было всегда, где бы он ни останавливался. Но сейчас ведь в номере Аксагова нет — он освободил его для Климова. Какова вероятность, что Арслан оставил парней и не забрал их с собой?

Прежде с таким Диана не сталкивалась. Так позорно Арслан Аксагов прежде никому и никогда не уступал — ни свою территорию, ни свою женщину.

Девушка приблизилась к дверям, взялась за дверную ручку и застыла, размышляя.

Какова вероятность, что там не стоят люди самого Климова? Ведь этот гад явно не явился сюда один. Все те, у кого было в пуху, сами не ходят — опасаются за свою драгоценную шкуру. И Климов был одним из таких людей. Впрочем, таким же был и Аксагов.

Нет. Нельзя открывать двери. Она точно попадётся.

Что же делать?

Девушка закусила губу от отчаяния, отошла от двери.

Вернувшись в номер, она обыскала пиджак полковника и забрала оттуда все наличные, какие нашла. Переложила деньги в свою маленькую сумочку и перекинула её через плечо. Деньги ей ещё пригодятся.

Надо сматываться отсюда.

Она вышла на террасу — она была огромной, впрочем, это неудивительно: номер был шикарен.

Девятый этаж... Чтоб его так.

Диана тоскливо посмотрела на соседнюю террасу. Разве что перелезть туда...

Но если она сорвётся — это будет последним, что она делает в своей жизни. Высота очень приличная.

С другой стороны, у неё просто нет иного выхода. Звонить Аксагову она точно не станет. После его низменного поступка этот человек умер для неё. И умер не просто как мужчина — умер как личность.

Приблизившись к тонкой перегородке между террасами, девушка слегка перегнулась и кинула свои туфельки на соседнюю сторону. Там никого не было. На улице уже стемнело — вряд ли её заметят.

Ноги и руки тряслись. Необходимо успокоиться и взять эмоции под контроль — иначе ничего не выйдет.

Она жадно и глубоко вдохнула ночной воздух. Хорошо, что сейчас конец лета. Тепло — она не замёрзнет в своём коротеньком платье.

Взобравшись на перила, которые, к её счастью, оказались

довольно широкими, она вцепилась руками в плоскую стену. Надо сделать всего два шага — и она окажется в желаемом месте.

Диана нервничала. Сделала два шага — и оба раза едва не сорвалась. Но всё же смогла перебраться на соседнюю террасу, правда, неуклюже стукнувшись коленом об пол и больно ударившись. Схватив туфельки, она босиком пробралась в номер.

Здесь было темно. Огромная комната казалась пустой. Она прошла вперёд — и застыла: на большой кровати спала какая-то женщина с маленьким ребёнком.

Стараясь не шуметь, девушка схватила чужой шарфик, висевший на спинке стула, прикрыла им свои огненные волосы и приблизилась к дверям.

Надо убираться, пока её не застукали. Очевидно, эта женщина здесь не одна — её мужчина где-то рядом и, видимо, скоро вернётся.

Артур увидел её сразу, как только девушка появилась в ресторанном зале. Даже при желании она никак не смогла бы затеряться в этой толпе.

Огненные пряди, выбивающиеся из-под шарфика, невозможно спрятать. Да и фигура у девушки была потрясающая. И что самое удивительное — красавица была одна.

Незнакомка остановилась на мгновение, осмотрелась — казалось, оценивала обстановку.

Взгляд женщины задержался на сцене, где выступали му-

зыканты.

Юркнув в дальний угол за танцплощадкой, она села за маленький столик и едва ли не уронила голову на стол. Создавалось впечатление, что девушка пребывает на пределе эмоций.

Здесь было шумно и громко.

Артур отсалютовал Пашке и двинулся в сторону женщины — словно хищник, усмотревший добычу.

Он бросил недовольный взгляд на музыкантов, которые, казалось, решили спрятать нехватку таланта за повышенными децибелами, наивно полагая, что этот грохот скроет их фальшивое непопадание в ноты. Но запала и энтузиазма у них было не отнять.

Они выступали так, будто чувствовали себя звёздами мирового масштаба, постоянно дёргая клавиши и струны. Скрипач бесил своими длинными космами, а барабанщик знал одну каденцию — лупил, как ненормальный, по своему инструменту.

Артур уже собирался уходить, оставив дежурство на Пашку, но внезапно увидел ЕЁ.

Обычно Громов редко клеил женщин — и уж тем более в таких местах. Он был слишком правильным и серьёзным, чтобы заводить мимолётные интрижки непонятно с кем и непонятно где.

Но пройти мимо этой женщины он не мог.

Что-то в ней было такое — что-то притягивающее, как мо-

тылька к огню.

Артур не относился к числу любителей увеселений. Ходить по сомнительным заведениям он был обязан по долгу службы, но сам по своей воле никогда бы сюда не отправился, считая, что по злачным местам шатаются лишь люди низкого сорта.

Этот отель был элитным — не злачным. И люди здесь были из верхов. Но и здесь Артур чувствовал себя напряжённо. Шум и толпы раздражали его, однако в связи со спецификой работы именно в таких местах чаще всего и приходилось коротать время.

Вряд ли Громова можно назвать снобом. Когда у Артура выдавались свободные дни, он сам выбирал, с кем и как их провести.

Сейчас он с интересом рассматривал девушку, невольно строя предположения. Девушка ждёт мужа? Парня? Любовника? Вряд ли она здесь одна.

Она молода — скорее всего, не старше двадцати пяти. И что тут такого? Сидит молодая женщина одна за столиком. Только вот она была слишком... излишне... очень излишне нервной. Острый глаз Артура мгновенно подметил: она безумно волнуется.

Эта рыжая бестия точно не выглядела как многодетная мамочка, ждущая детишек с прогулки, когда папа с ними нагуляется и приведёт их к обеду.

Взгляд женщины был полон ледяной уверенности — та-

кой, какая обычно встречается у жён богатых мужчин, посещающих все престижные места города. Но вместе с тем в этом взгляде читалось волнение...

Странное сочетание: волнительная уверенность. Казалось, она знает, что делает — и одновременно не знает.

Взгляд Артура остановился на её безымянном пальце правой руки. Кольца нет. Зато на другой руке — четыре дорожных кольца со сверкающими камнями. На шее — дорогое колье, стоимостью в пару его годовых зарплат. Платье брендовое, очень короткое, подчёркивающее красоту длинных стройных ног. И туфли на шпильке. Она была шикарна — просто сияла красотой и роскошью.

Девушка положила на столик маленькую сумочку и подпёрла щёку рукой.

Задумалась.

Артур обладал прекрасным аналитическим складом ума. Дедуктивный метод был одной из его сильнейших сторон. Поэтому он уверенно пришёл к выводу: эта женщина не замужем, не имеет детей, очень сильная и решительная, смелая, но сейчас взволнованна и напряжена — словно что-то случилось. А ещё, видимо, связана с каким-то богатым и влиятельным мужчиной. С кем — интересно?

Она не похожа на бизнес-леди. У неё явно есть покровитель.

Артур продолжал с интересом рассматривать девушку, подмечая каждую деталь, ловя её изумрудный взгляд, счи-

тая эмоция с её красивого лица.

Он так увлёкся, что не сразу осознал: женщина смотрит на него. И рассматривает с не меньшим пристрастием, чем он её.

Проницательный взгляд зелёных глаз словно сканировал его насквозь. Ей бы в органах работать — цены бы такой не было...

Их взгляды скрестились. Сердце мужчины пропустило удар. Словно вспышка. Искра. Казалось, у женщины была такая же реакция. Ни один из них не отвёл взгляда.

Наконец она всё же отвернулась первой — явно почувствовав неловкость оттого, что так пристально смотрела на него.

Диана уже привыкла ловить на себе восхищённые взгляды мужчин.

Привыкла к тому, что мужчины рассматривают её, словно редкий и ценный музейный экспонат.

Но этот мужчина...

Потрясающе красивый кареглазый высокий брюнет с лёгкой щетиной на лице привлёк её внимание.

Он был одет в простую льняную синюю рубашку и чёрные брюки — явно не из дорогого бутика. Но от этого он не становился менее привлекательным в её глазах.

При Арслане она не смела даже смотреть на других мужчин — боялась прогневить Аксагова, который испытывал комплекс собственной неполноценности перед молодыми и

красивыми мужиками, каким сам уже не являлся.

Понятное дело, что сам Аксагов в этом себе даже не признавался. Но Диане не нужны были слова — она видела, чувствовала, знала...

Сейчас же она ощутила маленький глоток свободы, раздумывая, как покинуть этот отель, чтобы не засветиться у входа перед камерами. Да и подумать надо было — как быть дальше.

Уйти... или вернуться утром к Аксагову?

Артур остановился неподалёку, застыв в полутени колонны, наблюдая, выжидая, словно хищник, притаившийся в засаде и неотрывно следящий за дичью. Он здесь не просто так — наверное, не стоит заводить новые знакомства с женщинами, тем более тогда, когда ему придётся уехать... и надолго уехать, далеко-далеко.

Женщина была очень красива — нет, не так: она была шикарна. Понятно, что привлекла не только его внимание, но, как минимум, ещё двух мужчин, сидевших напротив и то и дело бросающих на неё масляные взгляды.

Артуру не нравились эти похотливые взгляды, которыми мужчины раздевали рыжеволосую девушку. Внутри всколыхнулось что-то глухое, незнакомое — собственническое, злое.

Девушка очень резко встала, словно приняла для себя какое-то важное, возможно, даже судьбоносное решение. Перекинула через плечо сумочку и сделала твёрдый шаг в сторону от своего столика.

Мужчины, сидевшие напротив, мгновенно оказались на ногах и обступили её, сомкнув кольцо. Один из них бесцеремонно приобнял её за талию, шепнув на ухо что-то такое, от чего зелёные глаза девушки сверкнули яростью — опасной, едва сдерживаемой, — а второй мужчина засмеялся гряз-

НЫМ, ПОНИМАЮЩИМ СМЕХОМ.

Женщине их общество было явно неприятно, до оскомины, до дрожи в пальцах, да и шуток их она не оценила.

Диана поняла, что сегодня — точно не её день. В номере лежит Климов, и неизвестно, жив ли он вообще. А теперь ещё и эти к ней прицепились, как репы к юбке. Она не может позволить себе устраивать сцены, нельзя привлекать внимание. Но и позволять этим молодчикам издеваться над собой она так же не могла — не та кровь, не тот нрав.

Артур видел, как девушка нервничает, как пальцы её побелели, сжимая ремешок сумочки, — явно сдерживается через силу, чтобы не нагрубить, не вlepить пощёчину. Понятно, что не желает внимания привлекать к себе. Но почему? Что заставляет такую яркую, такую своенравную с виду женщину прятать когти?

Рыжеволосая бестия аккуратно, но твёрдо сняла руку незнакомца со своей талии, напряжённо улыбнулась той самой улыбкой, за которой читалось «отойдите, пока целы», что-то сказала и сделала очередную попытку уйти от парочки.

Но мужчина был настойчив и явно не желал отпускать красотку просто так. Да и кто такую отпустит? Кто в здравом уме упустит это пламя из рук?

Рука одного мужчины вновь легла на талию девушки, а второй бесцеремонно обрушил ладонь на её ягодицу, легонько сжав, словно пробуя товар.

Сердце у Дианы пустилось в галоп — испуганный, загнанный зверёк в клетке рёбер.

Надо уходить с этими двумя. Только так. Ведь сцен устраивать нельзя, нельзя привлекать внимание, нельзя светиться.

Только вот что они с ней сделают потом? В тишине, в машине, в безлюдном переулке?

Наверное, не стоит об этом сейчас думать. Она будет решать проблемы по мере их поступления, как всегда, как учили когда-то давно, в другой жизни.

Сейчас надо покинуть эту гостиницу, а потом она каким-то образом отвяжется и от этих парней. Обязательно отвяжется. Она умеет.

Артур просто не мог больше спокойно наблюдать за этим всем со стороны. Что-то щёлкнуло в нём — может, совесть, может, инстинкт, а может, та самая древняя мужская глупость, что заставляет лезть в драку ради красивых глаз.

Решил вмешаться. Его карие глаза сверкнули — выбрал объект и цель, — и он решительно двинулся к парням, схватившим девушку.

Через минуту он жёстким, отточенным движением одной руки отодвинул одного парня, слегка оттолкнул второго, да же не глядя в их сторону — как надоедливую мебель. А рукой развернул девушку к себе лицом. Каждое его движение было точным, сильным, глаза горели такой решительностью, что спорить не хотелось даже самым наглым.

— Извини, солнышко, я встретил здесь своего знакомого,

и мы с ним заболтались, — произнёс он громко, но с ленивой, почти домашней интонацией. — Не планировал оставлять тебя саму так надолго. — О! — Артур усмехнулся, наблюдая, как переглядываются между собой мужчины, оценивая, стоит ли связываться. — Наша любимая мелодия. Идём потанцуем, милая.

— Да, дорогой, — выдохнула девушка с таким облегчением, что у Артура кольнуло в груди. Она тут же вцепилась в локоть Громова мёртвой хваткой — не отпустят, не отнимут.

Мужчины не вмешивались. Очевидно, что к девушке подошёл её мужчина. Разборок устраивать здесь никто не собирался — риск не стоил такой аппетитной, но явно проблемной красоти.

Громов приобнял девушку за талию — осторожно, почти невесомо, — подойдя поближе к сцене, где наконец-то заиграла медленная мелодия и перестал литься тот грохот, что сводил с ума его уши последние полчаса.

— Благодарю, — выдохнула девушка, одарив Артура долгим взглядом зелёных глаз — в них плескалось нечто большее, чем простая вежливость. — Вы очень помогли мне. Просто не знаю, как бы я отвязалась от этих двоих, если бы не вы.

— Всегда рад помочь такой шикарной женщине, — произнёс Артур, уловив тонкий аромат дорогих духов — горьковатый, терпкий, с ноткой ванили. — Потому что, если бы моя маленькая хитрость не сработала, мне бы пришлось с

парнями по-иному объясняться.

— Не каждый мужчина способен прийти на помощь женщине, — тихо сказала она, и в голосе её прозвучала не лесть, а нечто похожее на горечь давних обид.

— Мужчина всегда способен, — тихо ответил Артур, наслаждаясь прикосновениями к девушке. Его руки обвили тонкую изящную талию незнакомки — боже, какая же она гибкая, какая податливая и напряжённая одновременно, как натянутая струна. — Если же нет — он не мужчина.

Находясь так близко рядом с ней, он имел возможность хорошо рассмотреть эту женщину. Она была само совершенство — линия скул, изгиб шеи, родинка у самого края губы. В ней не было ни единого изъяна, ни одной неправильной чёрточки.

Артура безумно тянуло к ней с первой же минуты, как он увидел её в ресторанном зале. Просто наваждение какое-то, бесовщина, не иначе. Но пялиться на неё на расстоянии и иметь возможность прикасаться к этому великолепному телу — это совсем разные вещи и совершенно разные ощущения. От близости её кожи кружилась голова.

Незнакомка вела себя сдержанно, настороженно, как зверёк, почуявший капкан. Изумрудные глаза внимательно изучали Артура, словно пытались понять, что он из себя представляет, можно ли ему доверять, не предаст ли, не кинет ли при первой же опасности.

В ней чувствовался внутренний трепет, необъяснимая си-

ла — то ли отчаяния, то ли отчаянной надежды.

— Я ведь видела, что ты хотел подойти ко мне, — внешне сказала она и сразу на «ты», перейдя на шепот. — Ты не похож на нерешительного. Что же тебя сдерживало? Ты здесь один?

Диане необходимо было прощупать эту почву. Возможно, этот мужчина станет ей полезен, а очаровать его — дело нескольких секунд.

Своими чарами она великолепно умела пользоваться. Знала: стоит лишь ей только захотеть — и этот красавчик не устоит. Вопрос только в том, захочет ли она сама.

— Хм, — его губы растянулись в слегка загадочной улыбке — ни да, ни нет, ни согласия, ни отказа.

— Мог бы подойти и пригласить меня на танец, — тихо ответила девушка, обняв руками его шею и ощутив сразу же внутренний трепет — глубоко внутри, где-то под самым сердцем. К этому мужчине было приятно притрагиваться. Очень приятно. До мурашек.

— Вероятно, что мог. Однако не думаю, что это было бы так же интересно. Кроме того, ты могла бы мне отказать. Сейчас же у тебя не было вариантов, кроме одного — принять моё предложение.

— Ты знал, что они станут приставать ко мне? — прищурилась она.

— И ты так же это знала, — парировал он, не сводя с неё глаз.

— Что же... вероятно, это так. Спасибо, что помог мне.

— Что ты здесь делаешь? Ты одна? — спросил он мягко, но настойчиво.

— Я уже ухожу, — произнесла резко девушка, и в голосе мелькнула сталь.

— Одна? Ночью? — Артур чувствовал, что она лжёт — каждой клеточкой чувствовал, но в душу так сразу не полез. Не время, не место.

— Но если ты составишь мне компанию, я уже буду не одна, не так ли? — Диана улыбнулась ему одной из своих самых очаровательных улыбок — той самой, что легко могла бы превратить Артура в её марионетку, если бы он не старался держать себя в руках из последних сил.

— А ты всегда так легко предлагаешь незнакомцу составить себе компанию, м? — его бровь насмешливо изогнулась.

— Нет, — честно ответила она, и на мгновение маска спала — в глазах мелькнуло что-то уязвимое, почти детское. — Но я вижу, что тебе можно доверять.

— О, как! — он засмеялся, тихо и беззлобно. Женщина ему явно льстила. Но для чего? Что ей от него нужно? Неужели только защита от двух придурков у бара?

— К тому же эта парочка, — она кивнула в сторону парней, которые к ней приставали, — так просто меня в покое не оставит.

Артур ощутил, как гибкое тело женщины в его руках на-

приглось — мелкая дрожь прошла по плечам. Он проследил за её взглядом. Пара мужчин, что цеплялись к ней, прожигали их своими взглядами, очень внимательно наблюдая за ними, небрежно затягиваясь сигаретами, как палачи перед казнью.

— Неудивительно, — выдохнул Артур ей в волосы. — От такой женщины отказаться непросто.

Он ещё теснее прижал её к себе, наглядно демонстрируя этим двоим, что женщина занята. Однако самой Диане этого показалось мало.

Находиться в объятиях этого молодого мужчины было потрясающим — нет, не так: ошеломляющим — ощущением. В жизни у неё никогда не было никого, кроме Арслана, старше её на двадцать пять лет. Никогда она не знала, каково это — когда мужчина обнимает не потому, что купил или приказал, а потому что сам хочет.

Сейчас же, пребывая в объятиях этого молодого, сильного и чертовски красивого мужчины, ей просто захотелось узнать — что это такое, когда тебя обнимает и целует не престарелый козёл, а сильный молодой мужчина. Каково это — быть с женщиной, который тебе нравится, к которому испытываешь желание, а не страх или отвращение?

Диана подняла голову, вцепилась в широкие мужские плечи — какие же они надёжные — и прикоснулась губами к губам мужчины. Робко сначала, почти по-девичьи, а потом смелее.

Прежде она целовалась лишь с Аксаговым. Но он предал её, продал, как бездушный товар. Так стоит ли хранить верность тому, кто отдал тебя, как вещь?

Нет. Не стоит ни секунды.

Он предал её — а она теперь считает себя свободной от него. Совершенно свободной.

Артур первое мгновение опешил — настолько неожиданным был этот поцелуй, — но потом впился ответным в губы девушки, дерзко, властно врываясь языком в её рот. Не спрашивая разрешения, не сомневаясь.

Диана потеряла голову. Потрясающее ощущение — как будто земля ушла из-под ног, а взамен явились крылья. Поцелуй этого мужчины стал для неё глотком чистого воздуха после долгого удушья.

Его язык нежно и в то же время властно ласкал её рот, встречаясь с её языком в неспешном, пьянящем танце. В его объятиях было так тепло и надёжно — как за каменной стеной, которую она никогда не имела.

Наверное, именно сейчас Диана приняла для себя одно из самых безумных решений в жизни, даже не подозревая, что этим поступком круто изменит не только свою жизнь, но и жизнь этого мужчины, стоящего перед ней.

Артур оторвался от губ девушки словно опьяневший — голова шла кругом, в висках стучало. Она оказалась вкусной не только на вид, но и на вкус — мёд и лёд, горечь и сладость.

— Мне пора, — произнесла Диана, с трудом разлепляя

веки и всматриваясь в его карие глаза, в которых плясали блики. — Я хочу уйти.

— Одна? — его голос сел, охрип.

— Но ты ведь не обязан защищать или сопровождать меня, не так ли? — Её слегка раскосые зелёные глаза не сводили взгляда с мужского лица — испытывали, проверяли. — Уверена, что могу справиться с любой ситуацией сама.

— Неужели? — он усмехнулся, но без насмешки — скорее с сомнением. — Возможно. Но ты вела себя так сдержанно с наглецами... сцен устраивать не хотела?

— А ты очень наблюдателен, — прищурилась Диана.

— Ты даже понятия не имеешь насколько, — подмигнул он, и в этом жесте вдруг проступило что-то мальчишеское, почти несерьёзное — от чего сердце Дианы пропустило удар.

Артур крепче прижал её к себе, чувствуя, что напряжение женщины не проходит. Она явно нервничала — пульс бился на шее тонкой ниточкой, пальцы холодели. Девушка постоянно оглядывалась по сторонам — не на парней уже, а куда-то дальше, в темноту зала.

Артур не хотел отпускать её, но и навязываться не желал. Понимал, что такая женщина, скорее всего, пошлёт его куда подальше при первой же неуклюжей попытке удержать.

Их бёдра соприкоснулись — и Артур напрягся, ощутив прилив возбуждения, горячий и неожиданный. Но он мог его контролировать. В своей жизни он мог контролировать почти всё. Почти.

Взгляд его остановился на её груди в низко вырезанном декольте — нечаянно, а потом замер. Воображение сразу же пошло рисовать одну картину заманчивей другой, словно насмехаясь над его самообладанием. Наверное, не стоит так открыто пялиться на её грудь.

Собравшись, он с усилием отвёл взгляд в сторону — к окну, к люстре, куда угодно, только не туда.

— Я должна идти, — сказала Диана, отпустив плечи Артура, который, услышав её голос, вырвался из собственных фантазий и понял, что всё ещё крепко сжимает талию женщины. Слишком крепко.

— Надо же, — слегка улыбнулась девушка, заметив, что Артур отводит взгляд от её груди — хотя другой бы на его месте бесцеремонно палился на все её прелести и не краснел. — А я думала, что рыцарей не осталось.

— Я был рад помочь тебе, — ответил он тихо.

— А сейчас мне и правда пора.

— Я проведу? — спросил он и вдруг понял, что боится её отказа.

— Идём, — она сразу же согласилась, и в её глазах мелькнуло облегчение. — Здесь жутко холодно, — она поёжилась, делая вид, что потирает плечи руками, чтобы согреться.

Артур молча снял с себя лёгкую куртку и накинул её на плечи девушки. Чудно. То, что ей сейчас и надо. Под этой курткой её бежевое платье не будет привлекать столько внимания — спрячется в темноте, растворится.

Диана надела куртку и почти утонула в ней — такая огромная, мужская, пахнущая табаком и чем-то горьковато-сладким. Прикрыла капюшоном голову и выскочила из гостиницы на парковку под руку с Громовым.

Резко остановившись возле его машины, девушка откинула назад голову и посмотрела на мужчину. Свет от светившего неподалёку фонаря зажёг искры в её зелёных глазах, слегка прикрытых густыми ресницами.

Артур в очередной раз отметил, какие потрясающие глаза у этой незнакомки, а её взгляд — такой пронизательный, хитрый, но в то же время бездонный.

— Я обратила на тебя внимание сразу же, как села за столик, — сказала Диана тихо, почти интимно.

— Какое совпадение, — ответил он, не сводя с неё глаз. — А я на тебя — сразу, как ты вошла.

— Я не верю в такие совпадения, — произнесла она с лёгкой улыбкой. — Наверное, несправедливо будет ограничиться всего лишь одним танцем.

Женщина подняла голову и лукаво посмотрела на него — так, что у Артура пересохло в горле.

Артуру нравился этот её лёгкий флирт. Почему бы и нет? Чёрт с ней, с осторожностью.

— Я бы хотела провести этот вечер вместе с тобой, — сказала она, и в голосе вдруг прорезалась решимость. — Как ты на это смотришь? Надеюсь, на этот вечер у тебя особых планов нет? Может, ты женат?

— Я холост, — усмехнулся он. — Идём.

Артур распахнул перед ней дверь своего автомобиля.

Она села рядом, на переднее сиденье, и он замер на секунду, глядя, как её профиль освещается тусклым светом с парковки.

— Увидев тебя в зале, я решил, что ты ждёшь мужа или своего мужчину, — он бросил на неё выразительный взгляд. Девушка улыбнулась — краешком губ, загадочно.

— Это ты так пытаешься выяснить, свободна я или нет? — спросила она.

Он пожал плечами — мол, а что тут скрывать.

— Я свободна, — сказала Диана и вздёрнула подбородок, словно бросала вызов.

Артур одарил её подозрительным взглядом — явно правдивость её слов вызывала у него сомнения. Слишком уж быстро, слишком легко. Такие женщины не бывают свободны просто так — за ними всегда стоит или муж, или долг, или тайна.

— А поскольку я свободна, — она провела рукой по его щеке — невесомо, едва касаясь, — и ты свободен, то никто и ничто не мешает провести нам время вместе. Не так ли?

Артур был удивлён. Это она сейчас к нему клеится? Да ладно? Где он и где она? Явно ведь этой шикарной рыжей бестии от него что-то надо. Но что?

Он это непременно выяснит — стоит лишь включиться в эту её игру и не спугнуть раньше времени. Такая шикарная

женщина просто так не обратила бы внимание на такого, как он. Не бывает таких подарков судьбы без подвоха.

Что же. Если ей нужна помощь — он выяснит, что у неё стряслось, и поможет. Видел, что девушка очень скрытная, не желает распространяться о своих делах — каждый вопрос уводила в сторону, как шпагой отбивала.

Поэтому он просто наблюдал, делал выводы и ограничивался краткими вопросами, ответами на которые не остался доволен ни разу.

— Куда ты хочешь поехать? — спросил он, заводя двигатель.

— К тебе, — выпалила она, даже не задумавшись.

— А ты со всеми незнакомцами так сразу приезжаешь к ним домой? — усмехнулся Артур.

— Нет, — призналась она, и в голосе вдруг проступила честность, от которой кольнуло в груди. — Ты первый.

— Почему? — спросил он тихо.

— Потому что ты мне нравишься, — сказала Диана просто, без кокетства. — А я нравлюсь тебе. Думаю, это вполне веская причина.

Её аргумент Артура не убедил. Девушка могла бы сойти за левоверную глупышку — но страх, который плескался в самой глубине её зелёных глаз, он игнорировать не мог.

Не просто так она хочет поехать с ним. Она словно ищет кого-то надёжного, кому можно довериться и пересидеть, коротая время, пока опасность минует. Только зачем ей это

нужно? И от кого она на самом деле бежит?

Артур приехал в хостел на окраине города — неброское, унылое здание, где он снимал один из номеров.

Диана поражённо посмотрела на него — на облупившуюся краску, на тусклую вывеску, на грязь на ступенях. Не к такому она привыкла. Но лучше здесь. Да хоть в подвале, хоть в норе — только не с Климовым и не с тем мужчиной, который предал её доверие.

Артур насмешливо смотрел на роскошную женщину, которая просто не смотрелась на фоне этого убогого помещения — как драгоценность в мусорном ведре.

— Ты здесь проездом? — уточнила она, скидывая каблук с облегчённым вздохом.

— Как тебя зовут? — вместо ответа спросил он, приблизившись и положив руки на её плечи — легко, почти не касаясь. Его пронизательный взгляд ловил каждую эмоцию на её красивом лице — каждую тень, каждую вспышку.

Диана подняла голову и с лёгкой улыбкой посмотрела на него. Артур уже и забыл, что спрашивал — одной своей улыбкой эта женщина способна заставить мужчину голову терять, память терять, себя терять.

Они смотрели друг на друга. Внешне эти секунды были тихими и спокойными — даже, казалось, безмолвными. Но внутри обоих бушевал ураган из эмоций: желания, страха, надежды, любопытства и той самой опасной нежности, с которой лучше не шутить.

Артур давно не переживал ничего подобного. Даже уклончивые ответы девушки на его вопросы вдруг утратили своё значение. Давить на неё он не желал — не хотел, чтобы она просто повернулась и пошла прочь. Он не хотел её отпускать.

Вот не хотел — и всё!

Девушка обняла его за шею — медленно, словно принимая окончательное решение. Всего лишь на миг на её лице пробежала тень неуверенности — но она очень быстро избавилась от неё, как сбрасывают ненужную одежду. Её губы потянулись к его губам.

Если ей и суждено понести наказание за то, что она сделала с Климовым... Если её найдёт Арслан и накажет за все эти выходки, а, может, даже и убьёт — он может, она знала, — так хотя бы сейчас она впервые проведёт время с настоящим мужчиной. Молодым. Сильным. Красивым.

Она не могла знать, что ей суждено и что будет завтра. Но сейчас, в эту секунду, она хотела быть с этим мужчиной. Просто быть женщиной в объятиях настоящего мужчины — а не престарелого мудака.

Артур заметил неуверенность на лице девушки в тот самый миг, когда отвернул голову, мягко, но недвусмысленно избегая её поцелуя. Он физически ощутил, как по её телу прошла волна разочарования — и вина кольнула его где-то под рёбрами.

Диана на мгновение задержала дыхание, словно ныряльщица перед прыжком в холодную воду, потом медленно, очень медленно выдохнула и, чуть запнувшись, произнесла голосом, в котором боролись обида и надежда:

— Я тебе разве не нравлюсь?

— Нравишься. — Он посмотрел ей прямо в зрачки. — Но я не люблю, когда со мной играют в игры.

Она улыбнулась — той особенной, ускользающей улыбкой, которая могла означать что угодно, от смущения до вызова.

— Какие ещё игры?

— А разве нет? — Артур приподнял бровь, внимательно сканируя каждое движение её лица.

— Нет.

— Я хочу услышать, что у тебя случилось. — Голос его стал тише, но от этого только весомее. — Я ведь вижу: ты нервничаешь. Пальцы дрожат, дышишь рвано.

— Просишь меня довериться незнакомцу?

— Так давай познакомимся, милая девушка, поближе. — Он чуть склонил голову к плечу, смягчая напряжение. — Меня зовут Артур. А тебя?

— Мне нравится, когда ты называешь меня просто «миллой», — елеино, почти мурлыча, произнесла она, и в этом голосе вдруг прорезалось нечто опасное, кошачье.

Одним плавным движением она скинула с головы шарфик, накинула его на шею Артура и, потянув за концы шёлковой ткани, слегка притянула его голову к себе — очаровывая, соблазняя, проверяя границы дозволенного. Тряхнула головой, и её рыжие локоны блестящим, живым водопадом заструились по спине и плечам, а зелёные глаза загорелись таким ярким, хищным огнём, что мужчина на миг забыл, как дышать.

Диане некуда было сейчас пойти. Ни к кому. Ни к чему привязаться, кроме этой случайной встречи. Необходимо было где-то пересидеть ночь — просто выжить, спрятаться, провалиться сквозь землю до утра.

И этот мужчина оказался очень даже неплохим вариантом. Слишком неплохим. У него такой пронизывающий взгляд, в котором светится ум и какая-то странная, почти старомодная благородство.

Девушка видела, как он хочет её — всем телом, всем напряжением мышц, каждой короткой заминкой взгляда, — но при этом сдерживается. Не бросается. Не берёт силой. Это почему-то злило и одновременно сводило с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.